

Добродетельная дама при развращённом дворе

Жанна-Мари Бувье де ла Мотт Гийон
(1648-1717)



Из книги «Люди, чья вера доставила им проблемы» (IVP, 1990)
(2005)

Пересказано Джоном Ковартом

При расточительном дворе Короля-солнце Луи XIV во Франции развернулась активная светская деятельность вокруг...сидений.

Три вида сидений: стулья с ручками, стулья без ручек и стулья без спинок на трёх ножках, называемые табуретом.

Когда придворные дамы собирались в зале, графиня могла сесть на стул с ручками, маркиза должна была сидеть на стуле без ручек, а баронесса - на табурете. Но, если герцогиня, титул которой был выше других, заходила в зал, она садилась на стул с ручками, столкнув других дам на один уровень ниже. Никто из имевших более низкий титул, не мог сесть в присутствии обладателя более высокого титула прежде, чем эта особа не усядется как следует, из-за чего титулованная ниже всех баронесса должна была стоять.

Вот каков был обычный порядок при дворе:

Первым был король. Затем шел наследный принц или дофин, за которым следовал месье (титул, данный братьям короля). Затем шли герцоги, графы, маркизы, а затем - бароны, один за одним по нисходящей титулов.

Всё понятно. Так?

А не так.

Это приводило к большим проблемам. Так как титул и звание сопрягались с владением определённым имуществом, а не давались человеку за какие-то заслуги. Это значило, что если у Вас было герцогство, Вы автоматически становились герцогом. Но, если по какой-то причине Вы теряли землю, Вы теряли и звание. Поэтому в названии титула всегда указывалась территория: герцог такой-то местности и т.д. Гонка за превосходством, престижем и положением порождала интриги, дуэли, боль и вечную

ненависть, по мере того, как придворные боролись за признание другими их более видного положения.

В своём дворце в Версале, Луи XIV регулярно развлекал целых 10 000 герцогов и герцогинь, графов и графинь, маркизов и маркиз, аристократов, епископов, священников, монахов, аббатов, солдат, куртизанок, послов, гостей и их слуг. А преимущество одного слуги над другим также зависело от положения хозяина.

Каждому из этих людей было что-то нужно от короля.

И чего бы каждый из них не хотел, это нужно было заполучить за счёт кого-либо другого.

Король развлекался, разыгрывая всех этих людей и настраивая их один против другого.

Король Луи XIV верил в божественное право королей. Он считал, что он был назначен Богом быть правителем, и что все люди и собственность во Франции принадлежали ему, и он мог распоряжаться ими, как ему вздумается.

Луи знал, что если деньги лежат в одном кармане, то их нет в другом кармане. Если они не в моём кармане, значит они в твоём; и если я хочу, чтобы они были в моём кармане, первоначально их нужно извлечь из твоего кармана. Ты об этом тоже знаешь и борешься за сохранение своего.

Король также считал, что законы морали, общепринятые среди обычных людей, на него не распространялись. Эти убеждения часто выдавало его похотливое поведение. Король считал, что любой из мужей должен гордиться, если его жена или дочь окажут услугу монарху.

Степень, в которой женщина угодила или не угодила вкусам короля, часто определяла статус, богатство и позицию этой женщины и её семьи. Это даже определяло, где среди других она должна сидеть.

Если девушка, торгующая птицей, вдруг понравилась королю, она становилась во главе придворных дам.

Герцогинь и графинь это очень злило.

Для мужчин получение ранга было не более благородным. Чиновники, знать, генералы, даже пасторы, епископы и архиепископы – всех назначали или снимали по любой прихоти, которая могла взбрести королю в голову.

Несколько отважных людей осмелились пойти наперекор этим королевским нелепостям. При этом разлагающемся французском дворе находилась горстка благочестивых христиан. Среди них особого внимания удостоилась мадам Жанна-Мари Бувье де ла Мотт Гийон.

Королева Англии гостила в имении отца Жанны-Мари, когда Жанна-Мари была ещё совсем маленькой девочкой. Королева была настолько поражена красотой ребёнка, что хотела, чтоб девочка была фрейлиной при её дворе. Но отец, сеньор де ла Мотт Вергонвиль, лорд и миллионер, берёт свою дочь для Франции.

Девочка провела почти всю свою юность в различных монастырях и её воспитывали монахини.

Когда ей исполнилось 16, отец выдал её замуж за 38-летнего месье по имени Жак Гийон, богатого аристократа с высоким титулом.

Чета жила в одном из его домов в Париже, где они наслаждались блеском и изыском города и королевского двора. Она родила нескольких здоровых детей.

И хотя она славилась своей красотой, была богата, имела титул, владения, кареты, наряды, детей и прекрасного любящего мужа, и хотя она воспитывалась в религиозной обстановке и была очень чуткой в отношении духовности, и много занималась благотворительностью – при всём этом молодая женщина испытывала потребность в чём-то большем.

В её жизни не хватало чего-то очень важного.

Гостивший у них францисканский брат сказал ей: «Мадам, Ваши усилия не имеют успеха, потому что Вы ищите снаружи то, что Вы можете найти внутри. Научитесь искать Господа в своём сердце, и Вы обязательно найдёте Его».

Эти слова произвели на неё огромное впечатление. В автобиографии она пишет: «Францисканец произнёс эти слова и уехал. Эти слова были для меня как внезапный удар в сердце. В тот момент я поняла, что я глубоко поражена любовью Господа, и эта рана была настолько приятной, что я навечно не желала исцеляться. Благодаря этим словам я поняла, что я искала столько лет. Мой Господь, Ты был так близок, а я бегала повсюду и искала Тебя, и всё же не находила».

«Я была бедна среди богатств, и готова была умереть от голода за обильно накрытым столом во время бесконечных празднеств. «О нарцисс Саронский, лилия долин» (Песни Песней 2:1) Ветхого и Нового Завета! Почему я узнала Тебя так поздно? Увы, я искала Тебя, где Тебя не было вместо того, чтобы смотреть, где Ты был...»

«Моё сердце полностью преобразилось – теперь там был Господь. С этого момента я ощущала Его присутствие в своём сердце. Я не просто понимала это умом, а действительно чувствовала всей своей душой Его великолепное присутствие...»

«В ту ночь Твоя любовь, о Господи, не давала мне заснуть. Она переполнила меня как благоухающее масло, и воспламенилась огнём, который должен был поглотить в себе всю мою ветхость».

И хотя ей было всего 20 лет, когда она открыла в своём сердце Христа, эти слова, с небольшим варьированием, определяют весь ход её жизни с того момента.

Волнующее, даже можно сказать трепетное осознание любви Христа, просматривается во всём, через что она прошла в жизни. При дворе, в работе, в тюрьме, в церкви, любовь Христа постоянно пребывала с мадам Гийон, что бы вокруг неё не происходило.

Она неустанно восхваляла Господа в молитвах и посвящала себя всевозможной благотворительной деятельности: открывала больницы, выдавала стипендии, строила церкви, помогала деньгами мужским и женским монастырям, заботилась о некоторых бедных семьях. Она настолько много жертвовала бедным, что ей пришлось нанять эконома, чтобы анонимно раздавать подарки. Но в то же самое время она лично сама лечила раны солдатам и заботилась о больных.

Её родители умерли и оставили ей титул и наследство. Двое из её детей тоже умерли. Затем в 1676 году после длительной болезни умирает её муж, оставляя 28-летнюю вдову с невероятным богатством и имениями.

Какое-то время она думала стать монахиней, поступив в монастырь, или поехать в качестве миссионера в Китай, но она осознавала, какое огромное количество людей зависело от неё, работая на её имениях, зарабатывая деньги для своих семей.

Она чувствовала, что ей было назначено Богом управлять этими имениями, хотя она предпочитала проводить время в молитвах и хвалах Господу.

Среди проблем, которые оставил ей муж после смерти, было решение о сложном судебном процессе, в котором участвовало 22 истца и их юристы. Они хотели разделить прибыль одного имения. Они все обратились к нему за срочным решением, а принимать решение пришлось молодой вдове.

Она молилась Господу об исходе этого дела.

«На 30 дней я заперлась у себя в комнате, и выходила только для принятия пищи или на богослужение», - говорила мадам Гийон. «За это время я провела необходимые исследования, сформировала мнение по этому вопросу и выразила его в письменной форме. Состоялось собрание истцов, и прежде чем узнать о моём решении, они приняли его и подписали. После я узнала, что они настолько были довольны моим решением, что не только расхваливали его, но ещё и опубликовали его для широкого круга людей. Господь помог мне. Именно Он дал мне мудрость».

И хотя она прославилась своей проницательностью в ведении дел, большее значение она придавала молитвам Господу, в которые могла погрузиться с головой.

Эти две сферы жизни вылились в то, что мадам Гийон составила контракт, который она обновляла ежегодно в день своего обращения:

«Отныне я принимаю Иисуса Христа. Я обещаю принять Его в качестве своего мужа. И хоть я того не достойна, я отдаю себя Ему в жены. Я прошу у Него, в этом браке души с душой, чтобы я духовно стала подобна Ему: смиренная, чистая, отрёкшаяся от себя и живущая по воле Божьей. И так как я обязываюсь принадлежать Ему, я принимаю,

как неотъемлемую часть моего брака, соблазны и горести, испытания и презрение, которые Он претерпел». (Жанна-Мари Бувье де ла Мотт Гийон. Её печать.)

Этот документ содержит несколько основных принципов, которые время от времени можно проследить в её жизни: быть единомышленником со Христом; быть смиренным и чистым, полностью отказаться от себя, жить в полном согласии с волей Господа, понести страдание и испытать презрение.

Мадам Гийон обрела известность, возглавив христианское движение под названием квиетизм. В сущности она признавала, что Бог – это всё, ничто другое не имеет значения. Она настолько чувствовала Его волю и любовь, что ничего другого не заслуживало её внимания. Влюблённый человек думает о своей возлюбленной постоянно, независимо от того, что творится вокруг.

Вот очень яркий пример. Однажды мадам Гийон путешествовала в карете вместе с несколькими лордами и леди. Они проезжали вблизи от реки, которая вышла из берегов и затопила дорогу. Карета перевернулась в потоке воды и начала тонуть. Тонущие лошади отчаянно бились и боролись со стихией. Лакеи, извозчики, лорды и леди бросились спасаться. «Кто-то от ужасного испуга стал выпрыгивать из кареты», - говорит мадам Гийон. «Но я настолько была поглощена мыслями о Господе, что я практически не чувствовала опасности, которая нависла над нами. Бог, к которому я была устремлена всем своим естеством, избавил меня от опасности, царившей вокруг нас, а я даже и не задумывалась над тем как её избежать. Поглощённая такими мыслями, я не могу не быть довольной тем, какие испытания Он мне посылает. Пребывая в согласии с Божьей волей, я бы лучше терпела эти испытания всю мою жизнь, чем отказаться от доверия Господу и полагаться на самоё себя».

Стал бы всемогущий Бог расстраиваться и паниковать из-за какого-то небольшого происшествия на дороге? Тогда стоит ли человеку, настроенному на Его разум и волю, волноваться? Для размышлений были вещи и поважнее происшествия с каретой: её любовь к живому Христу.

Она настолько радовалась компании Господа, что подавляла свою собственную волю и жила в согласии с Его волей. «Когда две хорошо настроенные лютни в идеальном согласии, та к которой не прикасаются, издаёт такой же звук, как та на которой играют», - так говорила мадам Гийон, объясняя своё понимание воли Божьей. В обеих лютнях одна душа, один звук, одна чистая гармония. Таким образом, моя воля представлялась в гармонии с волей Бога...»

«Душа должна покориться, чтобы Божественная рука управляла ею в любое время. Или будет сокрушена Божьим провидением, как это случалось раньше с теми, кто жаловался и желал сверх того, что уже имел».

«Но несчастье людей заключается в том, что они желают направлять Господа, вместо того, чтобы покориться Ему и быть направляемыми Им. Мы хотим главенствовать и идти путём, который сами выбираем, вместо того, чтобы покорно и

пассивно следить за тем, что для нас приготовил Бог. И отсюда следует, что многие души, призванные радоваться самому Господу, а не Его дарам, проводят всю жизнь в поисках, и получают малую долю утешения», - говорила мадам Гийон.

В июле 1681 года она вместе со служанкой, которая была её лучшей подругой и однодумцем, взяв свою пятилетнюю дочь, покинула Париж и отправилась в миссионерскую поездку близ протестантской крепости в Женеве. Король Луи XIV отправил в ту местность войска, чтобы казнить или обратить еретиков. Мадам Гийон чувствовала, что протестанты и католики вкладывали слишком много энергии в соблюдение пустых форм религии, не обращая при этом внимания на внутреннюю чистоту и праведность.

Частью её обязанностей было помогать монастырям, учреждать школы, строить больницы и раздавать еду беднякам. Но самую большую работу в своей миссионерской деятельности она проделала, сама свидетельствуя о Господе.

Как правило, когда она приезжала в город, она снимала скромное жилище, где она могла молиться. Вот как она описывает свою остановку в городе Тонон: «Жилище выглядело очень убого. Труба была только в кухне, и вход в комнату тоже был через кухню. Я определила большую комнату для моей дочери и служанки, а моя комната была очень маленькой, и туда нужно было взбираться по лестнице. Из мебели мы с собой привезли только кровати, поэтому я купила несколько дешёвых стульев и кое-какую посуду. Нигде больше я не испытывала большей радости, чем в этой лачуге. По мне она была очень удобной для простой и непритязательной жизни, которой характеризуется истинная жизнь во Христе».

Мадам Гийон не объявляла о своём приезде в город, но через несколько дней начали приходить люди в поисках духовной поддержки. Молочницы и рыцари, епископы и пьяницы, уличные девки и монашки, монахи и торговцы – все почему-то нуждались в молитве и совете этой тихой женщины, которая молилась у себя дома. С восходом солнца у двери мадам Гийон образовывалась очередь, и было крайне редко, когда последний посетитель уходил до полуночи. Некоторые обращались к Христу, а некоторые уходили и бросали камни в её окна. Она молилась со всеми.

«Люди собирались отовсюду - из далека и близка. Монахи, священники, мирские люди, служанки, жены, вдовы, все шли один за другим, чтобы послушать. Многие тогда уверовали в Господа».

Некоторые священники «были сильно огорчены тем, что к этой женщине настолько стремятся ходить люди. Ибо, смотря на вещи как они есть, а не так как их видит и использует Господь, они презирали мадам Гийон, которая была одним из инструментов в Божьих руках по Его изволению. И, презирая её, такой инструмент, они забывали восхищаться добротой и благодатью Господа, которые проявлялись через этот инструмент».

За годы её миссионерских путешествий, она также написала несколько книг, включая 20-ти томный комментарий к Библии и «Метод молитв».

В её книге о молитве делается акцент на важность внутренней духовной жизни над внешними формами проявления религии. «Действия не сами по себе радуют Его, а душевный настрой с которым они делаются. И особенно постоянная полная готовность повиноваться любому проявлению Его воли, даже в самых мелочах», - говорила она.

«Такова была моя цель: учить их жить простой верой, в отличии от жизни со всякими обрядами и церемониями; и таким образом помочь им полностью полагаться только на одного Бога через Христа. Я им говорила, что образ жизни по вере более замечательный для Господа, и имеет намного больше преимуществ для души, чем какой-либо другой способ жизни», - говорила мадам Гийон.

Это вероучение создало для неё серьёзные проблемы. Её постоянно преследовали. Люди сжигали её книги. Некоторые говорили, что она сумасшедшая. У каждого было своё мнение: они либо любили, либо ненавидели её; они либо хвалили, либо осуждали её. Она игнорировала всех и вся и спокойно плыла по тому течению, которое верила, было волей Бога.

Воля Божья была таковой, чтобы она возвратилась в Париж.

Проблемы у мадам Гийон возникли из нескольких источников – и всё же она говорила, что всё шло из одного источника.

Эти источники включали родственников, которые пытались избавиться от неё в надежде завладеть наследством рода Гийон. Её праведная жизнь оскорбляла некоторых придворных леди, которые усматривали в её простом образе жизни упрёк их собственного распутства. Некоторые протестанты рассматривали её миссионерство как папский заговор, который мешал их религиозной свободе. Некоторые католические архиепископы говорили, что она святая, в то время как другие обвиняли её в ереси. Король Луи XIV хотел, чтобы мадам Гийон выдала свою 12-ти летнюю дочь за маркиза Шанвалонского, старого распутника, которому король задолжал денег. Девочкины поместья окупали бы долг короля.

Мадам Гийон не согласилась на этот брак, из-за чего её арестовали и посадили в тюрьму. 29 января 1688 года король подписал «указ о заточении».

«Среди различных испытаний и искушений, которым я была подвергнута, я всё выносила с величайшим спокойствием, не пытаюсь оправдать или защитить себя. Имея веру в Господа, я оставила всё это на Его усмотрение», - говорила она.

В тюрьме она молилась: «Господь, пусть я полностью принадлежу Тебе и люблю Тебя, ибо Ты – вечная любовь. Господи, будь моим Повелителем. И пусть ничто другое меня не волнует».

Причина, по которой она могла наслаждаться умиротворением и концентрировать внимание на молитвах даже в то время, когда была разлучена с дочерью, богатством и свободой, было то, что она верила, что все её проблемы исходят из одного источника - любви к Богу.

О своих преследователях она говорила так: «Они делали только то, что позволял им Господь, и это всегда давало мне возможность видеть Господа. Когда мы страдаем, мы всегда должны помнить, что Господь наносит удар. И правда то, что злые люди нередко являются Его орудием. Но от этого факт остаётся фактом - просто злые люди ещё раз показывают свою греховность. Однако, когда мы так настроены, что мы любим те удары, из-за которых страдаем, когда мы понимаем, что они исходят от Бога, и это ситуация, которую Он считает для нас наиболее подходящей, мы тогда находимся в правильном состоянии, чтобы прощать и доброжелательно относиться к тому «орудию», которому Он позволяет нас бить».

Она не только видела, что источником всех проблем христиан есть Бог, она также видела Его источником каждого утешения. Когда она сильно заболела в тюрьме, была при смерти, охранники позвали врача - поступок, в котором она ещё раз усматривала доказательство любви Господней: «Именно Господь вложил им это в сердца, и дал решимость сделать это... После моего падения, Ему снова было угодно поднять меня».

Король пообещал освободить её через 8 дней, если она согласится отдать свою дочь в жёны его другу. Она отказалась.

«Бог позволяет страдать, но Он никогда не позволяет быть неправым», - ответила она. «Я ясно вижу, что на то Его воля, чтобы я осталась в этой тюрьме и переносила боль, связанную с ней. И я вполне согласна, чтобы так и было. Я никогда не куплю себе свободу ценой моей дочери».

«Когда Богу было угодно призвать меня к христианскому миссионерству, что было с моей стороны миссией мира и любви грешникам и блуждающим, Он научил меня, что в каком-то смысле я должна хотеть принимать на себя часть страданий Иисуса».

Тогда всё выглядело так, что ей предстоит провести там остаток своих дней. Луи XIV не был снисходителен ни к кому, даже к высшей аристократии, которая шла против его воли.

Несмотря на все прихоти избалованного короля, Богу было угодно, чтобы мадам Гийон вышла из тюрьмы.

Её случай стал чем-то вроде новинки. Наблюдать за леди голубых кровей, обладательницу огромного состояния, в тюрьме, стало развлечением для придворной знати. Лорды и леди толпились, чтобы увидеть её там.

Одним из посетителей была мадам Ментенон.

Эта молодая женщина знала все ходы и выходы при дворе. У короля было множество любовниц, от которых у него было множество детей. Любовницы веселились и развлекались, но кому-то нужно было следить за детьми. Мадам Ментенон стала нянькой для этих незаконнорождённых детей короля. Занимая такую позицию, она легко добилась расположения короля, тем самым одержав верх над всеми остальными любовницами. Король души в ней не чаял.

В результате, когда, годы спустя, умерла королева, мадам Ментенон должна была стать его второй женой.

Когда мадам Ментенон увидела мадам Гийон в тюрьме, эта узница чем-то привлекла внимание куртизанки. В женщине царил какой-то внутренний мир и что-то неопределимое, чего не хватало в водовороте придворных гулянок, празднеств и интриг.

В письме к подруге первая любовница короля писала: «Я была юна и красива, у меня было много радостей и я была всеобщим предметом внимания. Я наконец добилась расположения короля, но уверяю тебя, моя дорогая, что всё это оставляет в душе только пустоту». Она решила добиться освобождения заключённой. Она разъяснила закон спроса и предложения похотливому королю, и тот скоро освободил мадам Гийон.

Эта женщина пригласила мадам Гийон жить с ней в замке, который предоставил король. Мадам Гийон проводила там молитвенные собрания и давала советы молодым придворным дамам.

Она была настолько поглощена любовью Христа, что для неё не имело значения где она находится – на воле или в тюрьме.

«Насколько я могу объяснить, я живу отрёкшись от себя и всего другого - в союзе с Богом. Поэтому Господь Своей освящающей благодатью стал для меня всем... Я вижу Господа во всём, что существует сейчас и во всём, что будет в будущем. Тварь ничто, Господь – ВСЁ...».

«Если рассматривать всё в отношении к твари - всё тьма, а если рассматривать всё в отношении к Господу – всё свет».

«Наибольшее для меня удовольствие - знать, что Он тот, кто Он есть. И, будучи тем, кем Он есть, Он никогда не будет другим. Если в конце я спасусь, это будет дар Божий. Так как я ничем этот дар не заслуживаю».

«Всё что я знаю - это то, что Бог бесконечно свят, праведен и блажен. В Нём заключена вся доброта. А что касается меня, я абсолютное ничто», - говорила мадам Гийон.

За такие речения её враги обвинили её в пантеизме. Они подвергли её книги, её письма, её жизнь тщательной проверке за проверкой. В конце концов расположение мадам Ментенон исчезло, и она тоже присоединилась к числу врагов мадам Гийон.

Утратив защиту любимой куртизанки короля, мадам Гийон опять была арестована за ересь и заточена в Бастилии. Знаменитый человек в железной маске, которого многие считают братом-близнецом короля, находился в Бастилии в то же время, что и она. Бастилия считалась самой ужасной тюрьмой в мире. Мадам Гийон провела там в заточении и полном одиночестве 4 года.

«Находясь в Бастилии, я обращаюсь к Тебе, мой Господь. Если Тебе угодно отдать меня людям или ангелам, да будет твоя воля! Всё, чего я прошу - это чтобы Ты был с теми, кто Тебя любит, и спас их».

Когда она в конце концов вышла из Бастилии, король заставил её по условию освобождения подписать клятву о том, что она никогда и никому не расскажет, что с ней происходило за стенами этой ужасной темницы.

Когда она умерла в 1717 году в возрасте 69 лет, родные нашли среди её бумаг стихотворение, которое она написала о своём пребывании в тюрьме, но это стихотворение не нарушает её клятвы. Вот оно:

(Перевод текста с английского **Марии Келли** (Maria Kelley). Сентябрь 2010 г.)

*Я не порхаю с веточки на ветку
И не парю в прозрачной вышине.
Я птичка Божья, запертая в клетке,
Но этот плен совсем не в тягость мне.
И льётся моя песенка свободно,
Ибо так было Господу угодно.*

*Пусть заперта у моей клетки дверца,
В тюрьме убогой не расправит крыл.
Но сердце, ты на воле моё сердце!
И волю ту Спаситель мне открыл.
Души не прерывается полёт,
Когда в ней искра Божия живёт.*

*Всё это – прах: решётки, клетки, двери.
Я в поднебесье взмою наяву
К Тому, в чей промысел я свято верю,
К Тому, чьим провидением живу.
И поборов сомненья и смятенье,
В Тебе, Господь, найду упокоенье.*

(Перевод стихотворения с английского **Павла Баулина**. Март 2009 г.)